

Зальцбург: блестящий проект глянцевой эпохи

“Травиата” с Анной Нетребко — сенсация сезона

Зальцбург в экстазе. Мир жаждал нового мифа и получил его. Анна Нетребко в образе Виолетты Валери сводит с ума не только публику (после представления все надолго встает), но и прессу. О помешательстве кричат эпитеты и определения: “Анна Валери, Виолетта Нетребко” или “Каллас, Котрубас и Варади были вчера, сегодня — Анна Нетребко” (берлинская “Ди Вельт”). Под стать Анне и мексиканец Роландо Вилласон (Альфред) — мацо и дитя в одном лице с безумной энергетикой и эксцентрическими выходками. Оба возглавляют оперные топ-рейтинги и составляют “пару мечты”. Вместе с масштабным, врезающим крутые дуги Томасом Хэмпсоном (Жермон-отец) они идеально воплощают спектакль-постер Вилли Деккера (режиссер) и Вольфганга Гусмана (художник). Символика спрямлена до навязчивости. Место действия — огромная пустая сцена в белом полукруге, застывшая перед стеной безжизненного гофрированного картона и неестественно длинной опоясывающей скамейкой. Место отчаяния и утекающей жизни. Ее мгновения отсчитывают гигантские часы судьбы, ход которых пытается изменить героиня. Помимо циферблата она вступает в особые отношения с Некто в черном, скромно сидящим с краю скамьи еще до начала спектакля. Его многозначительные проходы и взгляды в каждом акте сопровождаются вручением белой хризантемы (всего три): Виолетта — возлюбленная смерти и прежде всего принадлежит ей. Это резюме третьего акта, где смерть обернется доктором Гренвилем (прямо как доктор Миракл в “Сказках Гофмана” Оффенбаха). До того смерть заставит отступить (на оркестровом вступлении) массовку бала у Флоры — черную стаю мужчин (женский хор в спектакле также одет в мужские костюмы). В первом действии стая хищных воронов носится с красной софой: на ней Виолетта — алый цветок желания. Красавица и чудовище, где первая, подыгрывая, манипулирует вторым. Лицедействуя в острых положениях и заманчивых позах (умная актриса безупречно отыгрывает свою сексапильность), она будоражит эротическую фантазию толпы, но не становится своей до конца. Она открывает чувство Альфреда (также в черном) и огромный мир любви, но вселенная смерти больше. Чахотка — внешний ход сюжета. Смерть Виолетты — плата за жизнь, жизнь по максимуму, неумолимо влекущая к страшному открытию: идеальность невозможна (сцена с Жермоном-отцом). Поэтому она отдается смерти, отдавая — в белой ночной сорочке — полученные хризантемы. Все выглядит красиво, даже слишком. Так, что ощущаешь себя в зале ритуальных торжеств, где вся процедура заранее определена, ис-

ключая, пожалуй, короткие игры и прощание влюбленных во втором акте. Капли крови на цветке, застывшем в развороте гламурного журнала.

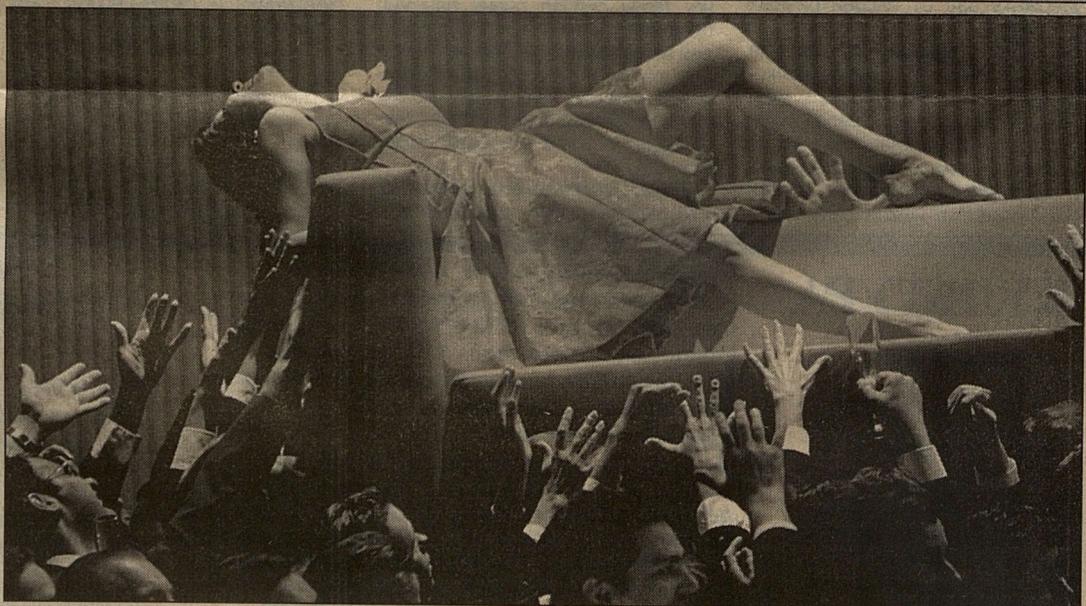
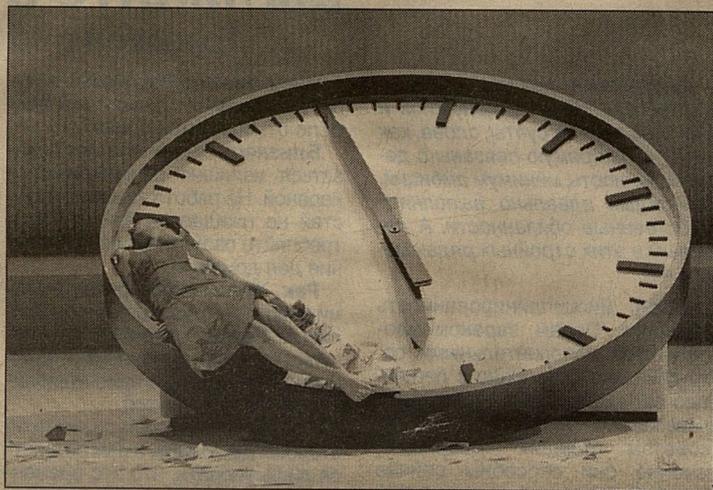
Голос Нетребко драгоценного, как у скрипки Страдивари, тембра. Она замечательно поет, еще виртуознее играет. Неудачная замена дирижера (Карло Рицци вместо скончавшегося Марчелло Виотти) ей не помеха: она так искусна. Но моментов, когда кончается искусство и дышат почва и судьба, немало. В этом и разница с Каллас и примадоннами прежних времен. Впрочем, сравнение может быть уместно в другом: Нетребко емко воплощает свою эпоху, как они свою. Она — миф нового времени. Вдохновенный ребенок талантливого менеджмента. Она доступна, как голливудская красотка, и загадочна, как дива. Она играет с масскультом, пробуждая ножкой океан. Это опасные связи: манипулируя чудовищем, красавица может сама стать идолом, поп-примадонной, но рискует потерять свободу. Легкое дыхание открытия, которое было в ее донне Анне в Зальцбурге (2002, постановка Арнокура и Кушея), когда хрупкой Анне для полета не хватало даже громадного пространства Фестшпильхауса. Нетребко — явление, не знающее сегодня себе равных. Совладать с ним непросто ей самой. Она — знак оперной революции и пришествия новой волны — без страха и комплексов. На супере одной из двух вышедших недавно в Германии книг об Анне певица заявляет: “В своих мечтах я пою обнаженной”. Почему нет? Вокруг ажиотаж, если не истерия. Цифры скачут, как бешеные. Билеты на черном рынке доходили до 4000 евро (видел японца с плакатом “Любая цена”), а трансляцию премьеры по двум каналам теле-

видения смотрели более миллиона человек — рекорд Книги Гиннеса (сравнимо со спортом). Сказать, что Зальцбург выстрелил в десятку — ничего не сказать. Триумф менеджмента — праздник публики (массовой и элитной) — безумие фанов. Опера как мировое светское событие. Блестящий проект глянцевой эпохи.

Звезда “Травиаты” затмила своих скромных спутников — моцартовских “Митридата, царя Понта” и “Волшебную флейту” (интересно, как невеселая постановка Грама Викка будет выглядеть, переключав на Новую сцену Большого театра). Редкую красоту в палитру фестиваля добавили “Отмеченные” Франца Шрекера (1918), известного у нас по постановке “Дальнего звона” (1925, Ленинград). Роскошная постромантическая музыка (в рафинированном прочтении дирижера Кента Нагано) завораживает пряной эротикой. Запоздалые цветы декаданса начала XX ве-

ка вдохновили постановщиков (режиссер Николаус Ленхоф, художник Раймунд Бауэр) на смакование модерна, грезящего о ренессансе. История о разложении и оргиях аристократической богемы в Генуе XVI века идет под девизом-комплексом главного героя Альвиано Сальваго (изысканная работа Роберта Брубакера) — прекрасного урода-андрогина с душой художника: “Красота — добыча сильных”. Зальцбург творит и ценит красоту. Из речи канцлера Австрии Вольфганга Шлюсселя на открытии фестиваля: “Европа — не статус. Европа — процесс, а культура — звук Европы”. Отсюда значение Зальцбурга. Фестиваль уже готовится к юбилейному 2006 году: 250 лет со дня рождения Моцарта будет отмечено постановкой всех 22 сценических произведений гения. Еще один мировой рекорд.

Михаил МУГИНШТЕЙН
Зальцбург

А.Нетребко — Виолетта в сценах из спектакля “Травиата”

Нетребко Анна

Культурра. — 2005. — 15-21 сент. — 215

21.09.05